

*Елена Павловна Серапионова*

Доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.

E-mail: e.serapionova@inslav.ru

## **Российские города в восприятии чехословацких легионеров (1914–1920 гг.)**

Перед Первой мировой войной в России проживали и работали около 100 тыс. чехов и словаков. С ее началом часть из них выступили в поддержку России и выразили готовность воевать на ее стороне. Вскоре в Киеве началось формирование Чешской дружины. В дальнейшем она стала пополняться за счет попавших в плен солдат и офицеров, и к осени 1917 г. чехословацкие части насчитывали уже около 30 тыс., но процесс пополнения теперь уже корпуса продолжался, и к моменту эвакуации чехословацкой армии из России в 1920 г. ее численность составляла более 60 тыс. человек. Легионеры провели в России не один год, перемещались по ее бескрайним просторам сначала в составе Русской армии до Карпатских хребтов, а затем после революции и прихода к власти большевиков — от Украины до Владивостока. При этом они побывали в разных городах, увидели городскую жизнь изнутри, познакомились с местным населением и везде подмечали особенности городской среды. Цель статьи — показать восприятие иностранцами российской действительности, которое добавляет ярких красок и неожиданных деталей в картину российской истории накануне и в годы Первой мировой и Гражданской войн. Имагология (наука о законах создания и интерпретации образов «чужого» и «чужих») активно развивается в последнее время. История городов и их восприятия — часть краеведения, объединяющего элементы природоведения, географии, культуры, архитектуры, народонаселения и городского хозяйства — находится в центре внимания как историков, так и литературоведов. В воспоминаниях, дневниках и военной публицистике чехословацких легионеров отразились разные периоды и стороны жизни российских городов: от мирной картины приморского курортного городка до сибирских больших и малых центров в условиях революции и Гражданской войны. По этим источникам можно проследить как историю самого корпуса, так и историю России указанного периода. Целый kaleidoscope городов и местечек проходит перед читателем, позволяя отметить динамику быстро менявшейся ситуации на местах, сопоставить и классифицировать города, выявляя типологию и специфику каждого. Не забывали легионеры изобразить и себя, не скрывая правды об изменении отношения к ним со стороны

местного населения. Сравнивая эти описания, можно прийти к выводам о достаточной доле объективности их авторов, хотя, конечно, непростая военная обстановка, особенно в условиях жестокого гражданского противостояния, не могла не сказаться на их повествовании. В статье использованы материалы разных жанров: дневники, воспоминания, публицистика и даже автобиографическая документальная проза.

*Ключевые слова:* чехословацкие легионеры, Первая мировая война, российские города, Гражданская война в России

Статья поступила в редакцию: 28 февраля 2025 г.

Статья принята к публикации: 15 мая 2025 г.

*Цитирование:* Серапионова Е.П. Российские города в восприятии чехословацких легионеров (1914–1920 гг.) // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 42–67. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.2>

Перед Первой мировой войной в России жили и работали около 100 тыс. чехов и словаков<sup>1</sup>. Часть их приняли российское подданство, остальные сохраняли австро-венгерское<sup>2</sup>. «Русские чехи и словаки» хорошо знали российскую действительность, могли сравнивать жизнь в довоенных городах с военным временем, а также с периодами революционного хаоса и Гражданской войны. Уже в 1914 г. из «русских чехов и словаков» была создана так называемая Чешская дружина (около 700 человек, получивших название «стародружинники»)<sup>3</sup>, которая в дальнейшем пополнялась за счет военнопленных-добровольцев, изъявивших желание воевать на стороне России. К осени 1917 г. сформировался Чехословацкий корпус, в годы Гражданской войны выступивший против большевиков<sup>4</sup>. Солдаты и офицеры корпуса провели в России не один год. Их восприятие российской действительности не было похоже на поверхностные впечатления путешествующих иностранцев. Можно сказать, что они видели жизнь России в ее городах, селах и деревушках изнутри, многие

<sup>1</sup> По данным переписи населения 1897 г. в России зафиксировано 50 385 чехов и словаков. Цифра 100 тыс. относится к кануну Первой мировой войны и приводится в литературе (Клеванский 1965: 14–15). С учетом высокой рождаемости того времени и не прекращавшегося притока переселенцев в Россию в начале XX в. двукратное увеличение числа чехов и словаков в России за 17 лет вполне вероятно.

<sup>2</sup> О чехах и словаках в России см. подробнее: Vaculík 2009: 179–205; Серапионова 2021.

<sup>3</sup> Galandauer a kol. 1993: 23; Татаров 2009: 13.

<sup>4</sup> Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. С. 25.

за годы пребывания в плену и в воинских частях неплохо выучили русский язык, знали русских и воевали с ними бок о бок. Вместе с тем все они, как жители городов, так и деревень, вспоминали родину, невольно сравнивали европейские города с российскими, небольшие европейские пространства с огромными российскими просторами. Среди легионеров были выходцы из разных городов, с различным образованием и профессиями, отличавшиеся по возрасту. Например, чехословацкий легионер, впоследствии ставший писателем, Вацлав Каплицкий (1895–1982) так описывал свою роту:

Это были люди из Чехии, Моравии, один силезец, двое из Вены, и даже один словак, самый старший был дед Дадак, крестьянин из южной Моравии, ему уже было за 60, самые младшие Брабец и Образ, оба пражане <...>. В других ротах было приблизительно так же<sup>5</sup>.

Оставили воспоминания и дневники, конечно, в основном люди образованные.

В последние десятилетия в России активно развивается имагология, или наука о законах создания и интерпретации образов «чужого» и «чужих»<sup>6</sup>. История городов и их восприятия — часть краеведения, объединяющего элементы природоведения, географии, культуры, архитектуры, народонаселения и городского хозяйства — также находится в центре внимания как историков, так и литературоведов<sup>7</sup>. Целью статьи является анализ восприятия иностранцами российской действительности,

<sup>5</sup> *Kaplický V. Hrst vzpomínek z dospělosti* /ed. V. Kučera. Praha: Národní archiv, 2010. S. 9–10.

<sup>6</sup> См., например, исследования и документальные публикации: Хорев (ред.) 2000; Хорев 2012; Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб.: Алетей, 2006. 684 с.; Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост., подг. к изд., введ., закл. ст. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. М.: «Индрик», 2014. 632с.; Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост., введ. А.Л. Шемякина; комм. А.Л. Шемякина, А.А. Силкина; подг. к изд. М.В. Лескинен, Ю.В. Лобачевой, Н.С. Гусева. СПб.; М.: Нестор-История, 2019. 404 с.; Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. М.Ю. Дронова. М.: Издательский дом «Граница», 2020. 160 с.; Езерник 2017; Липатов, Созина (ред.) 2014; Борисенко (ред.) 2012; Узенева (ред.) 2011; Узенева (ред.) 2012 и др.

<sup>7</sup> Из недавних проектов Института славяноведения РАН см., например: Старикова (ред.) 2023; Хаванова, Ващенко (ред.) 2024.

в том числе провинциальной, городской, что добавляет краски и неожиданные детали к пониманию процессов, шедших в российском обществе кануна и периода Первой мировой и Гражданской войн.

### **Чехи и словаки в России: историография и источники**

О восприятии России легионерами в период революционных потрясений и Гражданской войны уже писали историки<sup>8</sup>, но не выделяли специально города. А между тем в межвоенный период были написаны и опубликованы многочисленные воспоминания о легионерской эпопее, в которых отразилась и тема городской жизни. В так называемый социалистический отрезок чехословацкой истории, после февральского переворота 1948 г., когда к власти пришли коммунисты, а СССР стал не только военно-политическим, но идеологическим и экономическим союзником, легионерский анабазис почти не изучался, в том числе и из-за конфликта легионеров с большевиками. Ситуация в корне изменилась после 1989 г., с развалом социалистической системы, отказом от прежних марксистско-ленинских догм и цензурных запретов. Легионеры вновь стали интерпретироваться в чешской и словацкой историографиях как герои, а количество публикуемых дневников и воспоминаний добровольцев, как они сами себя называли, многократно возросло.

Конечно, необходимо учитывать специфику этих мемуаров. На восприятие, в том числе городов, влияло не только сопоставление с центральноевропейскими городами или городами Западной Европы и США, где некоторые из легионеров успели побывать, но и военные события. Возможно несколько превышающее в данной статье обычную норму цитирование связано с тем, что хотелось сохранить авторский стиль и интонации, так как эти выдержки из воспоминаний, видимо, и являются наиболее интересными. Они позволяют дополнить знания о российском прошлом впечатлениями иностранцев.

Недавно в России вышел в свет сборник чешских литературных материалов о Первой мировой и русской Гражданской войнах, в который вошли эго-документы (дневник, воспоминания) и литературные произведения (документальная повесть, рассказ и даже часть романа

---

<sup>8</sup> См., например: Harbuřová 2001.

о сибирской эпопее) в переводе на русский язык и с комментариями переводчика и составителя Сергея Солоуха<sup>9</sup>. В этих материалах кроме всего прочего отражена городская жизнь в этот сложный период российской истории. В статье использованы также отдельные воспоминания, дневники и публицистика тех лет, изданные на чешском языке<sup>10</sup>.

Что же описывали легионеры? На что обращали внимание? Российские города в описаниях легионеров представлены очень многопланово: это и расположение, и природа, и архитектура, и история, и развлечения, и погода, но главное — люди, горожане и горожанки, их настроения и реакция на военные события. Некоторые авторы живописали и себя на улицах российских городов и городков. Разница была колоссальная в описании мирного и военного времени, а также революционной смуты и Гражданской войны.

### Мирный приморский городок глазами чешского «сокола»

Вот каким увидел Геленджик, где собрался провести каникулы в самый канун войны летом 1914 г., учитель гимнастики, член сокольского общества, с 1911 г. работавший в экономическом лицее Екатеринодара, а впоследствии легендарный полковник Йозеф Йиржи Шве́ц (1883–1918)<sup>11</sup>:

Я отправился в Геленджик, небольшой городок, на берегу Черного моря поблизости от Новороссийска. Городок замечательно

---

<sup>9</sup> Kde domov můj? Сборник чешских литературных материалов о Первой мировой и русской Гражданской войнах / сост., пер. с чеш., предисл. и коммент. С. Солоуха. М.; СПб.: RUGRAM Пальмира, 2024. 661 с. (Пальмира — Классика).

<sup>10</sup> Medek R. Blaník. Úvahy, poznámky, sny, výzvy a dokumenty o československém revolučním vojsku. 1916–1920. Praha, 1921. 78 s.; Kaplický V. Hrst vzpomínek z dospělosti. 188 s.; Kříž A. Starodružník pod prvním praporem. Deník legionáře Adama Kříže. Liberec, 2014. 232 s.

<sup>11</sup> О полковнике Й. Й. Шве́це написаны статьи и книги, ему посвящена драма поэта, писателя и драматурга, тоже бывшего легионера Рудольфа Медека (1928 г.). Она ставилась во многих театрах и до сих пор идет на сцене Национального театра в Праге. Й. Шве́ц покончил жизнь самоубийством после того, как бойцы его подразделения отказались выполнять приказ. Это произвело глубокое впечатление на солдат, которые восприняли это как самопожертвование и приказ выполнили. Шве́ц был похоронен в Челябинске в день, когда была провозглашена независимость Чехословакии, 28 октября 1918 г.

расположен, лежит у залива, который в свою очередь одно из прекраснейших мест на побережье. Относительная дешевизна, множество садов и зелени, великолепные горные окрестности и чистый морской воздух<sup>12</sup>.

Затем он нарисовал картины беззаботного отдыха у моря, где они с приятелем плавали, принимали солнечные ванны и вскоре так загорели, что в Чехии, как он писал, никто бы их не узнал. «Многие из посетителей купальни нас принимали за африканцев и не хотели верить, что мы на самом деле чехи»<sup>13</sup>, — признавался он. Молодой человек обратил внимание на то, что представительницы прекрасного пола «отменные пловчихи»<sup>14</sup> и «все умели кокетничать»<sup>15</sup>. Он вспоминал отличные ужины, иногда с водкой, иногда с «приятным и вкусным новороссийским вином»<sup>16</sup>, замечательные поездки на моторной лодке до Тонкого мыса. В самом Геленджике и его окрестностях жило много чехов, да и они с приятелем остановились у екатеринодарских знакомых, в доме Ивана Васильевича Крупадерова, женатого на чешке, родом из чешской деревни под Новороссийском. Поэтому у них быстро возникла своя компания, с которой они проводили время, пели, играли в домино, карты, ходили в кинотеатр или на прогулки. «В общем, — подвел итог Швец в дневнике, — очень хорошо было у моря в Геленджике: прекрасная компания, море, небо, окрестности, воздух, все это создавало такое настроение, что мы забывали о всем прочем на свете»<sup>17</sup>. И еще: «Жили мы <...> словно в раю и недолгое время, проведенное там, кажется мне самым чудесным в моей жизни»<sup>18</sup>.

### Первая мировая война в восприятии легионеров

В дневнике Швеца описана и военная действительность, так как он добровольно вступил в Чешскую дружину. Но описания самого города у него скупы. Скорее его интересовало, сколько и откуда прибыло чехов и словаков — добровольцев, как шла военная

---

<sup>12</sup> Швец Й. Й. Дневник полковника Швеца // Kde domov můj? С. 146–147.

<sup>13</sup> Там же. С. 147.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Там же. С. 148.

<sup>16</sup> Там же. С. 149.

<sup>17</sup> Там же. С. 151.

<sup>18</sup> Там же. С. 147.

подготовка, отношения с русскими командирами, присяга перед отправкой на фронт. О городе лишь упоминания: «В Киев мы приехали утром в воскресенье 24 августа (2 сентября). С вокзала сразу направились в гостиницу “Прага”, где была канцелярия чешского комитета»<sup>19</sup>. После записи в добровольцы их проводили до Михайловского монастыря, где уже располагались раньше приехавшие харьковские и екатеринославские чехи и словаки. Судя по дневниковым записям, география приехавших была разнообразна: из Новороссийска, Бессарабии, Баку, Одессы, из Верного (близ Ташкента), Екатеринбурга, Варшавы. Всего к тому времени собралось около 200 человек. Еще о Киеве, вернее о добровольцах в Киеве: «В Киеве было очень весело»<sup>20</sup>. <...> Днем мы ходили на “занятия”, вечерами гулять в город, времени хватало и на учебу, и на потеху»<sup>21</sup>. В дружине был свой струнный оркестр.

У Швеца в дневнике можно найти подробности военных будней, описания того, как чехи и словаки наступали, а затем отступали вместе с Русской армией. Он несколько раз с фронта ездил в Киев, в том числе на съезд чехословацких обществ в России, а также побывал в отпуске в Екатеринодаре. Однако в военный период у него отсутствует подробное описание городов, скорее его интересуют люди, встречи, разговоры, передвижения, боевые операции, бытовая жизнь, снабжение и редкие развлечения. Пожалуй, единственный отзыв о городе Пензе относится уже к маю 1918 г., когда эшелоны с чехословацкими частями следовали в направлении на Владивосток, откуда должны были быть эвакуированы во Францию для продолжения борьбы на Западном фронте. Швец отметил в дневнике:

Наконец прибыли в Пензу. Очень приличное место, чистое, но без каких-то запоминающихся особенностей. Театр, кинематограф, американские горки, а из других аттракционов — чешско-немецко-мадыарско-русские коммунисты, которые боятся нас как черт лаdana<sup>22</sup>.

Еще один легионер и стародружинник Адам Кржиж оставил в дневнике описание Киева начала Первой мировой войны, в момент формирования там Чешской дружины. Сначала дружинников

<sup>19</sup> Швец Й. Й. Дневник полковника Швеца. С. 164.

<sup>20</sup> Там же. С. 166.

<sup>21</sup> Там же. С. 170–171.

<sup>22</sup> Там же. С. 381.

не выпускали в город: кроме военной науки их обучали правилам поведения военных в городе. Вот что Кржиж поведал о первом знакомстве с городом:

Мне был очень любопытен Киев, поэтому я пошел на главную улицу, располагавшуюся неподалеку, на Кресчатик, всегда переполненный публикой. Я прогуливался, рассматривал богатые витрины, наблюдал за оживленным движением, и постоянно отдавал честь. Офицеры там прямо роились<sup>23</sup>.

Затем он описал случившийся с ним курьез, когда он, увидев у красивого здания важного господина в форме, с красной фуражкой и в плаще, отделанном красным, решил, что перед ним генерал, встал по стойке смирно и отдал честь, и только потом увидел надпись на его фуражке «Кино Элитте». Это вызвало усмешку на лице важного господина, оказавшегося швейцаром, и смех наблюдавшей за этой сценой публики. Ему стало стыдно, он разозлился, мысленно послал всех генералов к черту и закурил на улице, что строго запрещалось солдатам. И тут его увидел настоящий генерал, стал его бранить и отчитывать, но, узнав, что он из Чешской дружины, смягчился, но повторил, что курить на улицах запрещено.

Второй случай в городе также описан им с юмором. На этот раз он получил увольнительную вместе с двумя приятелями. И они уже втроем опять пошли на Крещатик, «чтобы поглазеть на киевских красавиц, которых там было столько, что в глазах пестрело, а сердце колотилось»<sup>24</sup>. У всех было прекрасное настроение, и они отпускали по-чешски шуточки в адрес встречавшихся барышень, уверенные в том, что их никто не понимает. И как же они растерялись, когда одна симпатичная барышня обратилась к ним на чистом чешском языке, поблагодарила за лестные комплименты, но заметила, что лучше бы им развлечься чем-то иным. Дело в том, что в Киеве была одна из самых крупных в России чешских диаспор. И хотя Кржиж описывал уже военное время, судя по всему, далекий от фронта в 1914 г. город жил своей обычной жизнью. А молодые люди, конечно же, обращали прежде всего внимание на хорошеньких барышень.

<sup>23</sup> Kříž A. Starodružiník pod prvním praporem. S. 25–26.

<sup>24</sup> Ibid. S. 26–27.



Рудольф Медек в статье «Два пути» (июль 1916 г.) писал о Киеве перед отправкой на фронт:

Мое место здесь — и я стою здесь со спокойной и уравновешенной душой, расстанусь с товарищами, со зданием, которое во веки не забуду, с которым связано так много воспоминаний, иду под звуки музыки по улицам города, который стал для меня второй Прагой за время моего здесь пребывания. Расстанусь с ним весело, так как знаю, что все эти приветствия, цветы, улыбки и взмахи платочками — искренние приветы удивительного народа <...>, который стал нашим братом<sup>25</sup>.

В статье «Новички» он с благодарностью упомянул Ташкент (где был большой лагерь военнопленных), который прислал в чехословацкие части дисциплинированных и идейно зрелых «новодружинников»<sup>26</sup>. В другой статье «Уличный разговор» Медек рисовал уже самих легионеров в Киеве:

Два пожилых господина идут вниз по Бибиковскому бульвару к Кресцатику. Неожиданно сзади с базара на Бессарабке раздается песня. Господа останавливаются. Это не русская песня. Через мгновение они видят первые ряды молодых солдат, статных и энергичных, марширующих под песню, которая звучит несколько меланхолично<sup>27</sup>.

Далее один господин объяснил другому, что это не австрийцы, а чехи, которые добровольно вызвались воевать на стороне России, и уверил, что они добьются своей цели и освободят Чехию. А второй ответил, что в таком случае рад был увидеть чехов. В статье «Заметки» автор писал, что опять прибыл в Киев, но уже в другое время — в июне 1917 г.:

Сегодня я в Киеве, городе, где так бурно течет жизнь в эти чудесные революционные дни, но вернулся я уже совсем другим человеком, чем был в июне 1914 г., <...> здоровее, сильнее, тверже, <...> но старый пафос еще остался. Осталась прежде всего вера во все прекрасное, сильное и свободное<sup>28</sup>.

---

<sup>25</sup> Medek R. Bláník. S. 13.

<sup>26</sup> Ibid. S. 24.

<sup>27</sup> Ibid. S. 25.

<sup>28</sup> Ibid. S. 29.

На страницах газет и журналов, таких как *Čechoslován* («Чехослован»), *Čechoslovák* («Чехословак»), *Československý deník* («Чехословацкий дневник»), *Československý voják* («Чехословацкий воин»), выходивших в России, в статьях, опубликованных им в 1916–1920 гг., а затем в 1921 г., собранных в одну книгу, мелькали названия и других городов: Зборова — где чехословацкие легионеры впервые выступили как самостоятельная боевая единица и добились блестящих результатов, Челябинска — где был похоронен Й. Швец, далее — Тарнополя, Риги и Уфы, Владивостока, куда лежал их путь с Украины через Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Но эти города лишь упоминаются.

### Гражданская война глазами легионеров

А вот иной период: сибирские просторы и начало Гражданской войны. Таким запомнился сибирский Мариинск легионеру Вацлаву Хабу (1895–1983), впоследствии писателю, журналисту, историку и переводчику:

Была Сибирь во всей своей полноте широкой и долгой. Лес и лес. Реки. <...> Со временем самые большие прогалины стали городами и от них, словно в полотно, которое подвыпивший ткач слишком резким движением потянул на станке, во все стороны полезли неровные и длинные разрывы в однообразной зелени тайги. <...> На этих местах возникали и продолжают возникать деревни<sup>29</sup>.

Есть здесь и сравнение с чешской действительностью:

То, что в нашей истории страницы давних веков, и то, о чем мы детскими читали с открытым ртом и пересохшим от волнения горлом. Здесь день самый, что ни есть, сегодняшний. Жгут и вырубают леса, и землю впервые с ее рождения переворачивает плуг. Два, может быть, три места стали городами, подобные тем, что бывают в Европе. Но большинство так и остались в первобытной своей самобытности, с крышами, крытыми бревнами, и широкими, немощеными улицами. <...> Мариинск — как раз одно из таких мест<sup>30</sup>.

Затем автор сравнил малые и большие сибирские города, признавая, что крупные города похожи на европейские, что нельзя сказать

---

<sup>29</sup> Хаб В. Мариинск // Kde domov můj? С. 23.

<sup>30</sup> Там же.

о небольших городках, таких как Мариинск, расположенный на перекрестке великого сибирского тракта между Новониколаевском (Новосибирском) на р. Обь и Красноярском на р. Енисей. Рассказывая об истории Мариинска, он писал:

До самого 1856 г. была это самая обычная деревня, дома из бревен, городьба из досок и крыши из березовой коры, как и все подобные в России той поры <...>. Но в этот год улынулись ей государевы очи и стала деревня городом. Но вот судьба не стала в свою очередь улыбаться, и не дала новому городу ни власти, ни денег<sup>31</sup>.

По его мнению, Мариинску не повезло — никаких выдающихся исторических событий там не происходило:

Другие города, и новые, и старые, на более широких реках и куда как более важных перекрестках, больше любилась купцам и чиновникам, монахам и солдатам. Вырос старый Томск на севере, старый Красноярск на востоке, молодой Новониколаевск на западе. Они насчитывали уже десятки тысяч жителей, а старый Мариинск подобрался лишь к девяти тысячам в революцию. Но даже поток беженцев из Европы тут высокой пеной не осел. Был город сельским центром, им и остался<sup>32</sup>.

Возможно, автор преувеличил значимость и масштаб событий, которые затем подробно изложил, так как полагал, что название города Мариинск в связи с началом выступления чехословацких легионеров против большевиков навсегда останется в истории. Это справедливо лишь отчасти, возможно, для историков, занимающихся историей чехословацкого национально-освободительного движения в России и историей Гражданской войны на востоке страны, и, вероятно, для местных жителей. Его мнение изложено достаточно ярко:

Уже был подписан мир в Брест-Литовске, уже советская революция от Петрограда и Москвы докатилась до Владивостока и Камчатки, и уже казалось, что ни мировая война, ни революция так и не коснутся забытой сибирской берлоги, которая все уже упустила в своем прошлом и ни к чему не стремилась в будущем, как вдруг однажды на станции выступили чехословаки против советской власти — началась война. Стрельба, рытье окопов и могил, над гробами зазвучали речи, и возникли новые власти, которые, по словам одного

---

<sup>31</sup> Хаб В. Мариинск. С. 24.

<sup>32</sup> Там же.

невозможно высокопарного поэта, попытались вспать повернуть колесо истории, и на целой земле от польских границ до Китая разгорелась битва — и теперь название еще недавно спавшей вечным сном сибирской берлоги уже никогда не сотрется ни со страниц исторических книг, ни из памяти людей, что захотят написать о русской революции и о гражданской войне 1917–1920 годов<sup>33</sup>.

Еще один легионер Йозеф Мнехура, проделавший весь путь с чехословацкими легионами из Украины до Владивостока, в первый период боев с большевиками, когда легионерам в короткое время удалось захватить почти всю Транссибирскую магистраль, обратил внимание в воспоминаниях на восторженную реакцию местного населения занимаемых городов на освобождение от большевиков. Вот как он описал обстановку в Кургане после его занятия:

Везде, где бы мы ни появлялись в городе, нас встречали горячими овациями. Нас приглашали на чай в русские семьи, а курганские дамы позднее в знак благодарности за освобождение от большевиков обшили наш полковой стяг ленточкой<sup>34</sup>.

Почти то же самое происходило и после вступления в Омск:

В Омске вновь свалилась на нас неожиданная и не слишком желанная слава. Все наши части, которые оказались на станции, прошли по городу торжественным маршем, бурно приветствуемые населением, которое называло нас своими освободителями. В честь чехословаков давались концерты, банкеты, собрания, был устроен сбор средств на лечение наших раненых, газеты не переставали публиковать статьи, кипящие восторгами по поводу чехословаков. Ни одно общественное мероприятие не обходилось без присутствия наших представителей или речей в честь чехословаков, которые между тем продолжали с боями, освобождая станцию за станцией, продвигаться по бесконечной сибирской магистрали все дальше и дальше, открывая себе таким образом путь на восток<sup>35</sup>.

То же самое повторилось и в Тюмени:

Двадцатого июля наши эшелоны прибыли в уже освобожденную Тюмень, уездный город, расположенный в 540 верстах от Омска.

<sup>33</sup> Там же. С. 24–25.

<sup>34</sup> *Мнехура Й.* Разведчики у Казани. Воспоминания // *Kde domov můj?* С. 422.

<sup>35</sup> Там же. С. 427.

Здесь все началось снова: слава, музыка, концерты, букеты, речи — все в честь чехословаков. На каком-то из этих торжественных мероприятий к нам обратилась сама бабушка русской революции Брежневская<sup>36</sup>.

А такой Мнехура увидел Казань:

Был уже вечер, когда на горизонте возникла Казань. На протяжении нескольких верст тянется вдоль левого берега Волги казанская пристань. Некоторые из больших пассажирских пароходов, стоявших на якоре у самой южной оконечности пристани, были освещены и казались издали огромными морскими судами. <...> Сейчас перед нами наводящая на всех страх волжская флотилия. Первый и последний раз в своей истории имели мы собственный военный флот на Волге в России. <...> Первое впечатление от всего увиденного было самое благоприятное. Прибыли мы в большой, очень богатый город, все население которого единодушно стоит на стороне новой русской демократической противобольшевистской власти<sup>37</sup>.

Из других впечатлений запомнилось большое количество сахара и чая, которое там получали legionеры. В Казани существовали самые большие армейские склады в России и хранилась большая часть российского золотого запаса.

Однако чехословаки владели всей магистралью всего два месяца. Большевикам удалось создать Красную армию, постоянно пополняемую, с определенной дисциплиной, и для чехословаков настал другой период — поражений и отступления на восток. Но уже при занятии Казани Мнехура заметил далеко не безоблачную ситуацию: «Еще ни в одном, освобожденном нами от большевиков городе, мы не видели эвакуации, да еще проходившей с такой необыкновенной быстротой, как здесь»<sup>38</sup>.

А вот и яркая картина отступления из Казани:

Казалось, вся Казань решила уйти вместе с нами. В направлении Лаишево, пристани на берегу Камы, шли вместе с нами люди всех

---

<sup>36</sup> Мнехура *Й.* Разведчики у Казани. Воспоминания. С. 431. Брежневская Екатерина Константиновна (1840–1934) — русская революционерка-народница, одна из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров и ее боевого крыла — Боевой организации.

<sup>37</sup> Там же. С. 443.

<sup>38</sup> Там же. С. 445.

родов и сословий. Пешком, на возах, верхом уходили из города мужчины, женщины, дети, старики, с тем малым, что можно было в спешке собрать и взять с собой. <...> Насколько хватало глаз, текла и текла по казанской равнине вместе с нами к Каме масса этой волнующейся толпы<sup>39</sup>.

Адольф Земан (1883–1937) в романе «Васил Иннокентьевич», написанном на основе личных воспоминаний и заметок, ярко описал резко менявшуюся обстановку за четыре дня штурма повстанцами Иркутска, находившегося в руках колчаковцев. В тот момент чехословацкие легионеры уже не воевали на фронте и наблюдали за событиями, сохраняя нейтралитет. Но все их симпатии, по словам Земана, были на стороне восставших рабочих и эсеровских вооруженных частей во главе с так называемым Политическим центром, наступавших на город. И чехословацкое политическое руководство, и военное были тесно связаны с эсерами, наиболее близкими им в идейном плане и как союзники, с которыми они установили тесный контакт еще на Волге. Именно через сеть эсеровских кооперативов шло снабжение чехословацких войск.

Земан начал описание с расположения самого города:

Живописно на низком полуострове, с двух сторон омываемом дугой зеленой Ангары, а с третьей — речкой Ушаковкой, располагался город. Невысокий, но крутой противоположный берег Ангары, где один к одному лепятся деревянные домики глазговского предместья, был выбелен снегом. Вдоль прибрежного склона бежала змея рельсов к Байкалу, а у самого его подножья, сразу за понтонным мостом, сейчас разобранным, шумел и гремел вокзал<sup>40</sup>.

Первое, что бросилось ему в глаза, это резкое противостояние двух групп одного города:

Я шел по улице, с любопытством глядя вокруг. <...> У гостиницы “Модерн” стояла группа офицеров, а рядом кучка извозчицких саней, возницы которых, такие характерные и знакомые, о чем-то толковали чуть поодаль. И было очень интересно смотреть на эти две группы людей одного города. Офицеры оживленно жестикулировали и громко <...> обсуждали ситуацию. <...> Кружок возниц

---

<sup>39</sup> Там же. С. 528.

<sup>40</sup> Там же. С. 538.

держался совсем по-другому <...>, и всякий раз, когда в группе по соседству раздавался взрыв смеха, кто-то из возчиков бросал грозный и огненный взгляд в сторону офицеров, взгляд, в котором считалась безмерная злоба и неприязнь<sup>41</sup>.

Началась атака наступавших: «Треск ружейных выстрелов усиливался и пушки непрерывно стреляли одна за другой»<sup>42</sup>, — вспоминал герой Земана. Но первая атака была отбита, и город на какое-то время обрел спокойствие:

И вдруг все смолкло. Когда через полчаса я вновь оказался у гостиницы “Модерн”, там царило неописуемое оживление. Стрельба прекратилась и сейчас же улица заполнилась толпами спокойно и беззаботно гуляющих людей, которые имели такой вид, как будто бы они и знать не знали, что нечто особенное совсем недавно происходило в городе. Лица в толпе светились каким-то внутренним удовлетворением, слышалась громкая речь, и ото всех веяло ничем не омраченной радостью, что принес тихий и спокойный зимний вечер, который, желая сделать совсем уютным, внезапно осветили огни электрических фонарей. На электростанцию удалось доставить немного дров за счет принудительного урезания домашних запасов, превышающих норму (то есть конфискацией. — *Е. С.*)<sup>43</sup>.

Вторая атака на город вновь была отбита. На улице можно было наблюдать следующую картину:

Несколько солдат во главе с офицером вели шестерых пленных в коротких кожухах, либо в черных блестящих кожаных шубах, которые так любят здешние машинисты, кочегары и, вообще, рабочий люд. Пленные оглядывались, хмуро смотрели по сторонам, и время от времени бросали злые взгляды на тротуары, по которым прогуливалось общество. Один из них был затянут в кожу с головы до ног, как шофер, и из-под черной кожаной фуражки на лицо ему капала кровь. У него было бледное лицо и неверная походка. Но никому его не было жалко<sup>44</sup>.

Вероятно, в условиях Гражданской войны люди уже привыкли к сценам насилия.

---

<sup>41</sup> *Земан А.* Васил Иннокентьевич: частица сибирской эпопеи. Главы из романа // *Kde domov můj?* С. 542.

<sup>42</sup> Там же. С. 557.

<sup>43</sup> Там же.

<sup>44</sup> Там же. С. 558.

## Местное население и легионеры

Изменилось и отношение сибиряков к чехословацким легионерам. Люди были недовольны «понаехавшими» иностранцами — японцами, чехами, открыто посылали их к черту и говорили, чтобы они убирались домой, собираясь сами разобраться в своей стране.

Земан писал: «Неудержимо, как стая голодных волков, текла масса повстанцев в город. С неопишуемой легкомысленностью, без передового охранения и разведки»<sup>45</sup>. Не имевшие боевого опыта рабочие попали под шквальный огонь, началась страшная паника и бегство. Таким образом и эта атака была отбита:

Весь город был охвачен воодушевлением, Улицы, сперва малолетние, наполнили любопытные обыватели, обступившие солдат, возвращавшихся с передовой, или собиравшихся у госпиталей, куда свозили раненых. Казаки, свистя нагайками, гнали группки пленных к казармам. С тротуаров их провожали по большей части неприязненные, но иной раз едва ли не сочувствующие взгляды. У гостиницы “Модерн” группа штабных офицеров громко обсуждала закончившийся бой, хотя ни один из них в нем не участвовал<sup>46</sup>.

А вот и описание прибывших на подмогу городу семеновцев:

Публика на тротуарах встречала приветственными криками дикие фигуры, наводящие ужас на весь восток, в казацких шапках, лихо сдвинутых набекрень, из-под которых выбивались буйные кудри чубов. <...> Это было сборище всего худшего в крае, искатели приключений из казаков, буряты из самых дальних углов, беглые каторжники и люди без определенных занятий, готовые на все за деньги. В их облике, диком и грубом, не было ничего возвышенного. И шли они угрюмо, с каким-то тупым отворачиванием поглядывая на ликующую вокруг толпу.

Это весьма неприглядное описание было вовсе не случайным. Чехословаки и семеновцы, мягко говоря, не ладили. Между ними нередко вспыхивали вооруженные столкновения. Семенов грозил взорвать туннели, по которым легионеры следовали во Владивосток, требовал вернуть конфискованное, купленное и награбленное в России имущество. Под Иркутском семеновцы, вступив в бой, были окружены, вырвались и вынуждены были покинуть город на бронепоездах.

<sup>45</sup> Там же. С. 568.

<sup>46</sup> Там же.



Обстановка в городе сразу изменилась: «странный суэта была заметна на улицах». Происходили эти события в зимнюю стужу. Земан описал даже погоду в городе:

Сам день был очень ясным и необыкновенно морозным. Вьюга закончилась и на голубом небе жарко горело солнце, освещая весь город своими лучами. Можно было видеть какие-то фигуры, с мрачным интересом спешившие к Ангаре. Вид у них был отрешенный, людей, расстроенных и замкнувшихся в себе<sup>47</sup>.

Постепенно силы оборонявшихся слабели, а с ними и воля к борьбе. Ощущался недостаток продуктов и топлива, все стало дорожать.

По мере окружения города восставшими и скопления антиколчаковских сил усилились всевозможные слухи о возможном восстании в самом городе, о подготовке террористических актов, взрыве храма и т. п.

Беспокойство, неопределенность и ожидание террора владели всеми. Люди буквально умирали от страха и почти ничего не ели. Да и есть было особенно нечего. Доставка продуктов в город сделалась невозможной. Город был окружен со всех сторон. И все запасы в нем съедены. Торговцы, китайцы и татары, опасаясь грабежей, все вывезли из своих лавок и попрятали. Хлеба не хватало<sup>48</sup>.

Оборонявшихся одолевала безнадежность и апатия, днем и ночью горстка защитников города отражала непрерывные атаки, «по улицам бродили, как стада потерявшихся овец, без всякой цели и смысла кучки обывателей. Время от времени возникала паника. Стоило в сумерках в какой-нибудь задней улице хлопнуть выстрелу, и люди в ужасе начинали разбегаться, запирали окна и двери и прятаться в подвалах»<sup>49</sup>.

### Между красными и белыми

И вот уже другая ситуация, после взятия города повстанцами:

Иркутск в одночасье изменился. С тротуаров его улиц исчезли привычные фигурки высокомерных русских чиновников <...>,

---

<sup>47</sup> *Земан А.* Васил Иннокентьевич. С. 573.

<sup>48</sup> Там же. С. 586.

<sup>49</sup> Там же. С. 585.

не светились больше золотом погоны на офицерских шинелях, и не блистали сопровождающие офицеров дамы элегантными нарядами. Улицы заполнились простыми людьми самого разного вида, бодро шагавшими по тротуарам и проезжей части, и громко разговаривавшими. На здании гостиницы “Модерн” уже развевался красный флаг, и по какому-то удивительному волшебству он же висел и на стенах других домов, на тех же самых местах, где вчера еще был русский трехцветный. Город словно окунули в красное. <...> Всеобщий шум и движение были неописуемыми. <...> Город ожил и ликовал. Люди снова могли свободно полной грудью вдыхать воздух нового времени, слушать горячие фразы митинговых ораторов, философствовать у горящих костров с извозчиками и сплевывать шелуху семечек подсолнуха на белый снег. Но это не было похоже на страстную бурю революции. Это была спокойная радость от добытого счастья. Не было никаких диких сцен мести, которых первоначально все с ужасом ждали<sup>50</sup>.

Возможно, такая интерпретация событий зависела от политических взглядов Земана, но известно, что в своей массе, как уже говорилось, чехословацкие легионеры были ближе к эсерам, чем к Колчаку, отношения с которым складывались очень непросто. Однако власть эсеровского Политцентра оказалась очень слабой и временной, первоначальная эйфория сменилась совсем иными настроениями:

Улицы были пустынными. Тоскливо было на улицах Иркутска, а в комнате неприветливый холод. Очень трудно было найти уголь и дрова, и мы все сидели в нетопленных квартирах и кабинетах. <...> В продуктах и иных товарах ощущался недостаток. Крестьяне боялись везти в город продукты, потому что большевистские и повстанческие банды грабили их по дороге. В городе начинался голод. Были случаи грабежей с жестокими убийствами, которые вызывали панику. Множились бессмысленные нападения на улицах, пьяные солдаты избивали офицеров и нападали на прохожих. <...> Единственной силой, способной ныне оберегать жизни и имущество граждан, стал наш гарнизон, присутствие которого хоть как-то сдерживало большевиков<sup>51</sup>.

Но отношение местных жителей к чехословакам резко ухудшилось:

---

<sup>50</sup> Там же. С. 601–602.

<sup>51</sup> Там же. С. 611.

Власти Политического центра относились к нам дружески и гарантировали свободу отхода на восток. Зато остро ощущалась та прохлада, с какой на тебя смотрели теперь глаза простых обывателей. <...> Что касается буржуазии, то она нас просто тихо ненавидела<sup>52</sup>.

Земан писал:

Обстановка в самом городе делалась все тревожнее. Власть понемногу уходила из рук Политического центра, который стремительно терял поддержку Народной армии. Властям пришлось разрешить <...>, чтобы в город вступили повстанческие банды <...>. Недисциплинированная, бандитская шайка не удержалась от грабежей и ничем не оправданных реквизиций, немедленно напугав обывателей<sup>53</sup>.

И, наконец, описание Иркутска после передачи власти большевикам:

Трескучий мороз сковывал все, и в город идти не было никакого желания. Там немедленно организовался городской совет, он объявил выборы, и сейчас же взял все товары в магазинах на учет, иными словами, просто конфисковал, затем пошли реквизиции лошадей, автомобилей, продуктов, которые крестьяне везли в город, и так далее. Короче говоря, началось революционное хозяйствование. Партизаны Карандашвили<sup>54</sup> реквизировали все, что им попадалось под руку, стали нередкими обыкновенные грабежи и убийства. Ночной выход в город стал опасным предприятием<sup>55</sup>.

Конечно, у Земана весьма заметно стремление оправдать выдачу Колчака Политцентру, «чтобы избежать кровопролития», ничего не говорится о и тех реквизициях, которые они сами устраивали и т. д. Но обстановку в городе и перемены в настроениях иркутян передать ему удалось.

---

<sup>52</sup> *Земан А.* Васил Иннокентьевич. С. 614.

<sup>53</sup> Там же. С. 624.

<sup>54</sup> Речь идет о Несторе Александровиче Каландаришвили (1876–1922), революционере-анархисте, руководителе партизанского движения в Восточной Сибири во время Гражданской войны.

<sup>55</sup> *Земан А.* Васил Иннокентьевич. С. 631.

## Саморефлексия и отношение к России

Прошедший через Дарницкий лагерь военнопленных легионер, участвовавший в запрещенном воинском съезде, В. Каплицкий, автор книги «Горностай», названной по мысу, где содержались 35 арестованных делегатов съезда, после которого некоторые роты сложили оружие и отказались охранять магистраль на стороне Колчака, не идеализировал легионеров в годы Гражданской войны, признал, что и среди них были «рвачи, пьяницы, преступники и убийцы», что легионеры «украли много ценных вещей, за которые потом выручили много денег», «некоторые вели себя недостойно»<sup>56</sup>. Как это отличается от его первых впечатлений, когда после Дарницкого лагеря, записавшись в добровольцы, он попал в Борисполь, где проходил военную подготовку. Он, как и многие чешские и словацкие авторы, описывал не столько Борисполь, сколько чехословацких добровольцев в этом городе, неприкрыто любуясь ими:

Мы были бойцы, каких не сыскать во всей царской империи. Когда наши роты парадным маршем под музыку проходили по городку, это было прекрасное зрелище; местные обыватели могли остановить на нас взоры. Мы были молодые, шустрые, хорошо обмундированные, полные уверенности в себе. Мы разучили несколько украинских песен, и когда мы затягивали “У той нашей деревушки”, весь Борисполь был наш. А чешские песни позднее распевали и бори-соглебские девочки. Не удивительно, что многие из нас модничали: ушивали рубашки, брюки, сдвигали на ухо фуражку<sup>57</sup>.

Но зимой стало намного хуже: землянки, в которых они жили, не отапливались, многие простудились, питания не хватало, поэтому у некоторых началась «куриной слепота» (плохо видели в сумерках). Каплицкий писал, что и в заштатный Борисполь доходили слухи о беспорядках в Петрограде, убийстве Распутина, дезертирстве и кражах в Русской армии, отречении царя. Вспоминал, что в Житомире было плохо со снабжением, приходилось покупать и есть конину. Пенза для него — это центр чехословацких коммунистов, где они открыли бюро пропаганды, но их агитацию вступать в Красную армию, а не уезжать во Францию, большинство легионеров воспринимали

<sup>56</sup> *Kaplický V.* Hrst vzpomínek z dospělosti. S. 16.

<sup>57</sup> *Ibid.* S. 10.

как провокацию. Вспоминал он и заключение, когда их привезли во Владивосток, а потом отправили на мыс Горностай, часть старого владивостокского укрепления:

После всех тягот войны и напряжения последних месяцев пребывание в казармах Горностая было для нас как в санатории. Просторные помещения, свободное передвижение в ограниченном пространстве, купание в море, неплохое питание, охрана, которая относилась к нам по-дружески и обеспечивала нам контакты с Владивостоком и армией. Мощное впечатление на нас произвело море. Мы все впервые в жизни его видели. На берегу моря мы проводили много времени, смотря на его бескрайний простор или на прибой. Море как бы было бесконечным, а где-то там далеко Америка, за ней Европа и в ее сердце наша маленькая Чехословакия<sup>58</sup>.

Затем их переправили на Русский остров, где, по его словам, было еще лучше:

По правде говоря, никогда лучше жизни, чем на Русском острове, у меня не было. Мы жили там немного как Робинзоны, ходили там голыми, купались в море, ловили морских животных, совершали разведывательные прогулки по острову, собирали виноград с диких лоз и пытались сделать из него вино. Так же мы собирались, готовили материалы, отъезд домой, чтобы правильно информировать там народ. И не были бы мы чехами, если бы не создали певческий кружок, которым руководил позднее депутат парламента, учитель Вацлав Яша<sup>59</sup>.

Удивительно, но после участия в жестокой Гражданской войне легионеры расставались с Россией с грустью, а некоторые просили у нее прощения, в последний раз глядя на сопки Владивостока, скалы Горностая и очертания Русского острова.

Нередко впечатления легионеров весьма разнились. Так, словацкий легионер Ян Шандор записал в дневнике 4 мая 1920 г.:

Владивосток — это центр спекулянтов со всего света; правительства союзников им не очень интересуются, а после того, как японцы захватили город, русские ежедневно несут большой урон. Японцы совершили в городе кровавый переворот <...>, и совершенно очевидно, что они хотят сами владеть всем Дальним Востоком<sup>60</sup>.

---

<sup>58</sup> *Kaplický V.* Hrst vzpominek z dospělosti. S. 35.

<sup>59</sup> *Ibid.* S. 36–37.

<sup>60</sup> Křištofík 2022: 85.

Вскоре под нажимом союзников в городе была восстановлена русская администрация. Причем различное восприятие одних и тех же городов объяснялись не только разницей людских характеров и политических взглядов, но и быстро менявшейся ситуацией, в которую попадали легионеры.

Таким образом, воспоминания и дневники легионеров добавляют детали в историю Первой мировой и Гражданской войн, историю самих чехословацких частей, действий их союзников, позволяют почувствовать дух времени, городскую атмосферу, оценить не только складывавшуюся в указанный период обстановку в российских городах, но и отношения с местным населением, взаимодействие с армией Колчака, с эсерами и большевиками. Конечно, и это признавал тот же Каплицкий, в книгах легионеров было много правды, но много и полуправды.

### Литература

- Борисенок (ред.) 2012 — Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е. Ю. Борисенок. СПб.: Алетейя, 2012. 456 с.
- Езерник 2017 — *Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. 358 с.
- Клеванский 1965 — *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 396 с.
- Липатов, Созина (ред.) 2014 — Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М.: Центр книги Рудомино, 2014. 608 с.
- Серапионова 2021 — *Серапионова Е.П.* Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX — начало XX вв.). М.: Институт славяноведения, 2021. 332 с.
- Старикова (ред.) 2023 — Топос города синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова, под общ. ред. И. Е. Адельгейм, А. В. Усачёвой, Е. В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 550 с.
- Татаров 2009 — *Татаров Б.А.* Чешская (Киевская) дружина август 1914 — декабрь 1915 г. Фонд «Русские витязи», 2009. 92 с.
- Узенева (ред.) 2011 — Славянский мир в глазах России: Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 448 с.

- Узенева (ред.) 2012 — Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. 464 с.
- Хаванова, Ващенко (ред.) 2024 — «Есть город...»: локус — социум — образ в Центральной Европе и сопредельных регионах XVII–XXI вв. Тезисы конференции 5–6 ноября 2024 г. / Ред.-сост. О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. 64 с.
- Хорев (ред.) 2000 — Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000. 272 с.
- Хорев 2012 — *Хорев В. А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки). М.: Индрик, 2012. 240 с.
- Harbuľová 2001 — *Harbuľová E.* Vnútropolitický vývoj Ruska očami slovenských legionárov // *Československé légie v Rusku. Sborník příspěvku z kolokvia 9. 5. 2001 v Praze* / uspořádal V. Veber. Praha: Národní knihovna ČR; Slovanská knihovna, 2002. S. 80–96.
- Krištofík 2022 — *Krištofík J.* Denníkové zápisky legionára Jána Šándora v kontexte pôsobenia československých légii v Rusku // *Chorvát P., Posch M., a kol. Československé legie — Slováci — Slovensko*. Bratislava: Vojenský historický ústav; Historický ústav Slovenskej akadémie vied, 2022. S. 81–92.
- Galandauer a kol. 1993 — *Galandauer J., a kol.* Slovník prvního československého odboje 1914–18. Praha: Hermes, 1993. 165 s.
- Vaculík 2009 — *Vaculík J.* České menšiny v Evropě a ve světě. Praha: Libri, 2009. 320 s.

## References

- Borisenok, Ye. Ju., ed., 2012. *Russkie o Ukraine i ukrainsakh* [Russians about Ukraine and the Ukrainians]. St. Petersburg: Aletheia, 456 p. (in Rus.)
- Galandauer, J., et al., 1993. *Slovník prvního československého odboje 1914–18*. Praha: Hermes, 165 p.
- Harbuľová, E., 2001. Vnútropolitický vývoj Ruska očami slovenských legionárov. In: Veber, V., ed. *Československé légie v Rusku. Sborník příspěvku z kolokvia 9. 5. 2001 v Praze*. Praha: Národní knihovna ČR; Slovanská knihovna, pp. 80–96.
- Jezernik, B., 2017. *Dikaia Jevropa: Balkany glazami zapadnykh puteshestvoennikov* [Savage Europe: The Balkans through the eyes of Western travellers]. Moscow: Lingvistika, 358 p. (in Rus.)
- Khavanova, O., Vashchenko, D., eds, 2024. *“Jest’ gorod...”: lokus — sotsium — obraz v Tsentral’noi Jevrope i sopredel’nykh regionakh XVII–XXI vv.* Tezisy konferentsii 5–6 noiabria 2024 g. [“There is a city...” Locus — society — image in Central Europe and the neighbouring Regions from the seventeenth to the twenty-first Centuries. Conference proceedings, 5–6 November 2024]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 64 p. (in Rus.)

- Khorev, V. A., 2012. *Vospriiatije Rossii i russkoi literatury pol'skimi pisateliami: (Ocherki)* [Perception of Russia and Russian literature by Polish writers (Essays)]. Moscow: Indrik, 240 p. (in Rus.)
- Khorev, V. A., ed., 2000. *Poliaki i russkije v glazakh drug druga* [The Poles and Russians in the eyes of each other]. Moscow: Indrik, 272 p. (in Rus.)
- Klevanskii, A. Kh., 1965. *Chekhoslovatskije internatsionalisty i prodannyi korpus. Chekhoslovatskije politicheskije organizatsii i voinskije formirovaniia v Rossii. 1914–1921 gg.* [Czechoslovak internationalists and the sold corps. Czechoslovak political organizations and military formations in Russia. 1914–1921]. Moscow: Nauka, 396 p. (in Rus.)
- Krištofík, J., 2022. Denníkové zápisky legionára Jána Šándora v kontexte pôsobenia československých légii v Rusku. In: *Chorvát P., Posch M., a kol. Československé legie – Slováci – Slovensko*. Bratislava: Vojenský historický ústav; Historický ústav Slovenskej akadémie vied, pp. 81–92.
- Lipatov, V. V., Sozina, Ju. V., 2014. *Rossii i russkii chelovek v vospriiatii slavianskikh narodov* [Russia and the Russian man in the perception of Slavic peoples]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, 608 p. (in Rus.)
- Serapionova, E. P., 2021. *Chekhi i slovaki v Rossiiskoi imperii (posledniaia tret' 19 – nachalo 20 v.)* [Czechs and Slovaks in the Russian Empire (from the last third of the nineteenth to the early twentieth centuries)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 332 p. (in Rus.)
- Starikova, N. N., ed., 2023. *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy* [The topoi of the city in synchrony and diachrony: Literary paradigm of Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Institut Slavianovedeniia RAN, 550 p. (in Rus.)
- Tatarov, B. A., 2009. *Cheshskaia (Kijevskaia) družina: avgust 1914 – dekabr' 1915 g.* Fond «Russkije vitiazi», 2009. 92 p. (in Rus.)
- Uzeneva, E. S., ed., 2011. *Slavianskii mir v glazakh Rossii: Dinamika vospriiatii i otrazheniia v khudozhestvennom tvorchestve, dokumental'noi i nauchnoi literature* [Slavic world in the eyes of Russia. Dynamics of perceptopn and reflection in the arts, documentaries and scholarly literature]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 448 s. (in Rus.)
- Uzeneva, E. S., ed., 2012. *Slavianskii mir v tret'em tysyacheletii. Obraz Rossii v slavianskikh stranakh* [The Slavic world in the third millennium. The image of Russia in Slavic lands]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 464 p. (in Rus.)
- Vaculík, J., 2009. *České menšiny v Evropě a ve světě*. Praha: Libri, 320 p.



*Elena P. Serapionova*

DSc, Assistant Professor, Chief of the Department, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia.  
119334, Leninskii Prospect, 32A.  
E-mail: e.serapionova@inslav.ru

### **Russian Cities and Towns as Perceived by Czechoslovak Legionnaires (1914–1920)**

On the eve of the First World War, about one hundred thousand Czechs and Slovaks lived and worked in Russia. With the outbreak of the war, some of them came out in support of Russia and expressed their willingness to fight on its side. Soon the formation of the Czech Druzhina began in Kiev. Later it became replenished with captured soldiers and officers, and by the fall of 1917, Czechoslovak units counted about 30 thousand men. But the process of replenishment of the corps continued, and by the time of evacuation of the Czechoslovak army from Russia in 1920, its number exceeded 60 thousand people. Legionnaires spent several years in Russia, moving across its vast expanses, first as part of the Russian army to the Carpathian ranges, and then after the revolution and the coming to power of the Bolsheviks from Ukraine to Vladivostok. At the same time, they visited different cities, gathered first-hand experience of city life, got acquainted with the local population, and noticed the peculiarities of the urban environment everywhere. The purpose of the article is to depict the perception of the Russian reality by foreigners, which adds colour and unexpected details to the Russian history of the eve and period of the First World War and the Civil War. Recently, imagology (the science of the laws of creating and interpreting images of the “alien” and “strangers”) has been actively developing. The history of cities and their perception — part of local history, which combines elements of natural history, geography, culture, architecture, population and urban economy — is also at the centre of attention of both historians and literary critics. The memoirs, diaries and military journalism of Czechoslovak legionnaires reflect different periods and aspects of life in Russian cities: from the peaceful picture of a seaside resort town to Siberian large and small centres under the conditions of the revolution and the Civil War. From these sources it is possible to trace both the history of the corps itself and the history of Russia of the period in question. A whole kaleidoscope of cities and towns passes before the readers’ eyes, allowing them to trace the dynamics of the rapidly changing situation on the ground, to compare and classify cities, revealing the typology and specificity of each. The legionnaires did not forget to portray themselves as well, without hiding the truth about the changing attitudes of the local population towards them. Comparing these descriptions, one can conclude that their authors were sufficiently objective, although, of course, the difficult military situation, especially under the conditions of violent civil confrontation, would inevitably affect their narratives. The article uses material from different genres: diaries, memoirs, opinion journalism and autobiographical documentary prose.

---

*Keywords:* First World War, Civil War in Russia, Czechoslovak legionnaires, Russian cities and towns

Received: 28 February 2025

Accepted: 15 May 2025

*How to cite:* Serapionova, E. P., 2025. Rossiiskie goroda v vospriatii chekhoslovatskikh legionerov (1914–1920 gg.). *Central-European Studies*, 8, pp. 42–67. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.2>